

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО МОЛОДОГО
КИЛЛЕРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление — *Екатерина Фerez*

Ранее книга издавалась под названием
«Лицензия для Робин Гуда»

Соболева, Лариса Павловна.

С54 Последнее дело молодого киллера : [роман] / Лариса Соболева. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 384 с. — (Она всегда с тобой. Детективы Ларисы Соболевой).

ISBN 978-5-17-157417-8

Дар Осокин, киллер со стажем, выполняя задание, сталкивается на заранее облюбованной им крыше с молодым коллегой. Перед тем как устранить конкурента, Дар выясняет, что тому заказали молодую женщину и подростка. Видавший виды Осокин в шоке: неужели мир окончательно свихнулся, если охота пошла на детей?! И профессиональный убийца принимает неожиданное решение: спрятать в своей берлоге обреченных на верную смерть и узнать, кому и зачем не терпится стереть с лица земли рыжую девушку с хвостиками и одиннадцатилетнего мальчишку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Соболева Л.
ISBN 978-5-17-157417-8 © ООО «Издательство АСТ», 2023

1

Приходит киллер на рабочее место, а оно занято. Немного похоже на анекдот из серии черного юмора...

Осокин неслышно и молниеносно карабкался по пожарной лестнице снаружи здания. Достигнув верха и легко перемахнув бордюр, очутился на плоской крыше. Ему не понадобилось восстанавливать дыхание, для него взобраться на четвертый этаж — плевое дело. Его способность двигаться бесшумно приписывали чарам магов, но не лично ему. Как же, как же, человеку ведь не дано перепрыгнуть через собственное ничтожество, и уж если кому-то такое удастся, то тут замешаны сверхъестественные силы... Но за якобы с небес упавшим подарком стояли изнурительные тренировки, которые он начал в юности, еще не сознавая, зачем это нужно, а просто стараясь хоть в чем-то отличаться от сверстников.

Осокин, внешне похожий на студента, блондин с грустными светлыми глазами, роста чуть выше среднего, сухощавый, с наслаждением вдохнул ноябрьского морозного воздуха и подошел к бордюру, огораживающему край крыши. Осмотрелся, прислушался. Тишь в полном смысле слова, а крыша со всеми удобствами: тут тебе и пожарная лестница, и панорама улицы как на ладони, и глаз радуется, задерживаясь на расцветенных огнями окнах.

Здесь тишина доведена до абсолюта, хотя район находится рядом с центром. Своей абсо-

лутной тишиной эта часть города обязана первоначальной застройке, в давние времена улочки проложили уютные, но узкие и кривые, поэтому транспорт объезжает старые кварталы стороной. И освещение тут неважное, ночью люди стараются по району не разгуливать. Дома невысокие, стоят плотно, будто поддерживают друг друга.

Два трехэтажных дома напротив выглядят почти близнецами, только один скоро развалится по причине ветхости, а второй приобрел новую жизнь, поскольку получил состоятельного хозяина, окна в нем плотно занавешены шторами. А в соседней трехэтажной развалюхе за окнами копошатся люди, не задвинув шторы. Этим не от кого прятаться, некого бояться, нечего скрывать, вряд ли даже избач изъявит желание перетрясти их скарб, ведь брать там явно нечего, и...

Мысль была прервана: внимание Осокина привлекла маленькая точка красно-малинового цвета, дрожавшая то на стене, то в окне третьего этажа развалюхи. Игрушек, имитирующих лазерный прицел, много, но сейчас он видел след вовсе не игрушки. Или, скажем так, опасной игрушки.

Осокин переместился на угол крыши и осторожно глянул вниз. Под ним четыре этажа, а рядом стоит дом в три этажа. Осокин разглядел темную фигуру лежащего человека у бордюра, а в его руках винтовку. Нервы дрогнули, закралось подозрение, что человек, вооружившийся снайперской винтовкой с лазерным прицелом, пришел по его душу. Почти сразу Осокин вспомнил о том, когда и в какой день он пойдет на операцию (свою работу он называет только операциями), не знает никто.

Успокоившись, Осокин проследил за точкой и сделал вывод: винтовку держат неумелые руки. Это определяется легко: красная точка не задерживалась долго на одном месте, а ныряла, скакала по стене, дергалась, чаще всего почему-

то попадая на мальчишку лет десяти-одиннадцати, который, как Ванька-встанька, появлялся и исчезал в двух окнах третьего этажа развалюхи. Без сомнения, с винтовкой сейчас забавляется новичок, который, скорей всего, купил ее для охоты. Нынешних охотников привлекает боевое оружие, да не абы какое, а последние разработки с наворотами. И сейчас, видимо, охотник решил проверить дальность прицела.

Следя за красной точкой, Осокин решил отменить операцию, раз неудачное стечение обстоятельств привело на соседнюю крышу возможного свидетеля. Параллельно он думал: «Нечаянно нажмет охотничек на спуск — и пацану хана». Одно озадачивало: в других окнах мелькает полно народу, а охотник упорно берет на прицел мальчишку. Это самое последнее дело — тренироваться на ребенке, не мешает преподать урок неумехе... Осокин оценил расположение: оба дома примыкают друг к другу, зазор между ними в полметра и только-то, спуститься по водосточной трубе до соседней крыши и перешагнуть — нечего делать.

Осокин достал было специальную шапочку, которую просто превратить в маску с прорезями для глаз и рта, стоит опустить отворот на лицо, но передумал ее надевать — сейчас темно, охотник и так не разглядит его. Неслышно спустился по водосточной трубе до уровня соседнего дома и, словно кузнечик, перепорхнув на его крышу, начал осторожно подходить к тому, кого назвал про себя охотником.

Тот был так увлечен прицеливанием, что не только не почувствовал, но и не услышал крадущегося сзади человека. Осокин усмехнулся: необстрелянный лопух попался. Что ж, учить такого нужно сурово, чтобы запомнил: нельзя целиться в ребенка. Осокин вытащил штык-нож, какой устанавливается на винтовку СВД, и через несколько секунд остановился у ступней лежащего человека. Тот опять

ничего не услышал! Может, глухой? Прошла еще минута, Осокин ждал, когда же охотник почует его.

Парень — по всему видно, он молодой — наверняка не нюхал пороха, но целился как заправский снайпер. Вдруг спина его напряглась — явно ощутил опасность. В следующий миг развернулся, но одновременно Осокин навалился на него, прижал коленом, схватив за грудки одной рукой, и приставил сталь лезвия к горлу. В полумраке глаза парня — действительно сопляк, лет на десять младше Осокина — сверкнули ужасом. Первый урок он усвоил: узнал, что чувствует человек перед смертью.

На этом можно было рассмеяться, сказать: «Извини, я пошутил», тем более что внешность Осокина не вызывает опасений, напротив, он располагает к себе. Впрочем, темновато для взаимных симпатий, Осокин ослабил хватку — и вдруг..

Он видит, кажется, даже затылком, не говоря уж о взгляде, который если и направлен прямо, но подмечает мельчайшие детали по краям поля зрения. Так вот, именно боковым зрением Осокин увидел рядом раскрытый футляр аккордеона (видимо, в этом футляре охотник принес винтовку), заметил, что винтовка зарубежного производства, к ствольной накладке прикреплена сошка для упора, а ствол оснащен глушителем. Глушитель... это настораживает. Зачем охотнику, купившему боевую винтовку, чтобы идти на крупного зверя, глушитель? Допустим, чтобы егеря не услышали выстрелов. Тогда этот парень браконьер, ну и фиг с ним. А если винтовка не для охоты? Не удовлетворившись собственными предположениями, Осокин решил допросить парня, потому что вновь его посетила недавняя мысль — охотятся на него самого.

— Кто такой? — коротко бросил Осокин, приблизив свое лицо к насмерть перепуганному лицу снайпера-любителя. А у того, кажется, наступила временная потеря памяти. Следующая

фраза Осокина прозвучала жестко, для внушительности он еще толкнул парня коленом в грудь: — Я задал вопрос.

— Глеб меня зовут, — выпалил тот, ощущая острый клинок, неласково коснувшийся горла. Дышал он часто. Но это от страха. Страх имеет свойство обычного крана, только в данном случае перекрывает не воду, а кислород.

— Фамилия? — пренебрежительно бросил следующий вопрос Осокин.

— Зач-чем? — Голос Глеба дрожал.

— Не люблю повторять.

— Яцков.

Вот и пот покатился у парня по вискам, а на улице стоит небольшой морозец. Яцкову, лежавшему довольно долго на крыше, должно быть холодно, а ему стало жарко. Капли пота о многом сказали Осокину: Глеб дорожит шкурой (разумеется, своей). По его телу сейчас волнами проходил озноб. Теперешняя мизансцена когда-то не являлась редкой для Осокина, и не всегда у врага, застывшего под его ножом или под дулом его оружия, катился пот страха. У Осокина своя градация, собственная система, по которой он судит о людях, с какими сталкивает его жизнь, и по его оценочной шкале под его коленом в данный момент дрожал кусок дерьма.

— Кого завалить пришел? — спросил напрямую Осокин.

— Я не... я просто... клянусь...

Ну, не успел придумать Яцков, зачем взобрался на крышу, прихватив снайперскую винтовку. Все понятно: его прислали убить Осокина. Сейчас парень заплачет, раскается, вспомнит маму, ее больное сердце, что ждет она сыночка... Осокин поморщился, как от оскомины, сказал:

— Не трясись, а то рука дрогнет — захлебнешься кровью. — И все-таки он жаждал признания: — Кого приказано завалить? Колись!

— Нет! Не приказано! Я просто... я же сказал...

— Тогда я завалю тебя, — пообещал Осокин. — Это действительно просто.

По тому, как он это сказал, Глеб понял, что гроб ему обеспечен, если только не подсуется с признанием:

— Не надо. Я расскажу. И подпишу. Что скажете, то и подпишу. А вы мне охрану... Да? Меня же убьют... пожалуйста...

Слушал Осокин и чуть не разразился хохотом. Придурок подумал, будто его подцепил синичка, то есть мент. Отсюда вывод: Осокина он видит впервые, не по его душу пришел. Осокин собрался было уходить, жалея о потерянном времени и собственном плане, который придется перенести, как вдруг Яцков признался:

— Мне завалить приказали... его.

Поскольку парень лежал сейчас на спине с приподнятыми и согнутыми в локтях руками, он не рискнул шевельнуться, а только большим пальцем указал назад, то есть на дом напротив. Вечер был потерян, и только лишь поэтому Осокин проявил ленивый интерес, искренне не понимая, кто же достоин смерти из трехэтажного барака:

— Кого?

— Пацана, что на третьем этаже живет.

— Пацана? — не сразу сообразил Осокин. — Какого пацана?

— Крайние два окна.

Именно в этих окнах Ванькой-встанькой появлялся мальчик лет десяти. Не его же приказано завалить? Но в крайних окнах больше никого не было, еще только девушка мелькала.

— Не понял, кого? — переспросил Осокин.

— Пацана. Потом девчонку.

— Девчонку вижу... — бросил Осокин взгляд на дом напротив. И вдруг его осенило: — Того пацана? Десятилетку?

— Ему одиннадцать с половиной, — оправдался Яцков. Дескать, самый возраст у мальчишки, чтобы его грохнули.

Осокина нельзя удивить ничем. Вообще ничем. Во всяком случае, до сих пор он так думал. Но даже ему, хорошо знающему изощренную жестокость людей, не пришло в голову, что некий взрослый бык дал приказ убить ребенка и для верности снабдил исполнителя снайперской винтовкой с глушителем. Он с минуту молча следил за окнами в доме-развалюхе.

— За что? — Стало вдруг любопытно очень любопытному Осокину.

— Не знаю. Мне что за дело?

— Не твое, говоришь, дело? — отстранился он, чтобы получше рассмотреть юного киллера. — Но он же... шкет. От горшка два вершка.

— Скажи это тому, кто его заказал, — огрызнулся Яцков, получив наконец возможность свободно вздохнуть.

— А кто его заказал?

— Мне об этом не докладывали.

— А тебе кто приказал?

— Толком не знаю. Я недавно вошел в клан.

— В какой клан? — скептически усмехнулся Осокин, подумав про себя, что сейчас каждый главарь заурядной шайки мнит себя главарем мафии.

— Ну, клан... организация. Главный там Богомол. Разве не слышал? Только я его не видел. Меня привел Витяня Калужник. Ему приказали, а он мне велел пацана хлопнуть... с девчонкой. Чтобы повязать меня. Так со всеми поступают, в три этапа проверку устраивают. У меня последний этап сегодня. Мы с детства с Калужником знакомы. Витяня сидел... за кражу. Нет, за грабеж. А я в институте учусь. Деньги нужны.

— Для больной мамы, — догадался Осокин, слушавший лепет начинающего киллера довольно отстраненно. Он вспоминал себя в его возра-

сте, вспоминал армию и то, как убил первый раз, чтобы самому остаться в живых. Но там это было нормально.

— Откуда знаешь? — говорил тем временем Яцков. — Да, для нее. У мамы диабет. Витек предложил работу... Он доверяет мне...

— Значит, чтобы маме купить лекарства, надо убить пацаненка? А сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Двадцать... — повторил Осокин с пониманием в голосе, в котором слышалась еще и ирония. Он имел право иронизировать, ведь самому ему стукнуло тридцать три, это круглая для мужчины цифра. Да, выглядит Осокин значительно моложе, похож на студента-отличника, что часто его выручало. — И ты уже убивал?

— Нет, это первый раз, честное слово, я ж говорил... — В лихорадочном шепоте Глеба послышались просительные ноты, как бы мольба о пощаде. — Я ж не успел. И я сознался. Добровольно.

— А почему до сих пор не выстрелил?

— Ждал, когда они будут в разных комнатах. Приказано без шума... ну, чтобы пацан был в одной комнате, а девчонка — в другой. А то крик поднимут... надо, чтобы пару дней их никто не хватился... Первого пацана, потом ее. А он бегает туда-сюда...

— Не повезло тебе, — без двойного смысла сказал Осокин.

Несколько минут он изучал юношу, которому всего двадцать лет. Глеб явно не служил в армии. В армию такие не идут, они ее боятся. Но на тропу войны Яцков ступил. Самой гнусной войны — исподтишка. Он добровольно взял в руки оружие и пришел убить женщину с ребенком, а те не подозревают, что им кто-то приготовил смерть. Яцкова не пугало, что смерть в его руках, не пугала кровь и то, что будет потом с ним, как он сам изменится, как изменится его жизнь. А она изменится с той секунды,

12

когда палец нажмет на спусковой крючок, изменится бесповоротно и навсегда. Ему чудится, что он спокойно будет пить пиво в баре и ощущать себя героем... А может, так и было бы. Его больше испугало другое: застукали! Стрелять из засады по мальчишке, который совершенно никому не мог перейти дорогу в силу своего малолетства, он готов, а отвечать за это не готов. Осокину неожиданно даже интересно стало, а как бы он повел себя, все-таки выстрелив в человека? И Осокин, поднявшись на ноги, приказал несостоявшемуся — пока! — киллеру, указав подбородком на стену соседнего дома, туда, откуда пришел сам:

— Лезь наверх.

Яцков подошел к краю крыши и испугался:

— Как?

— По трубе. Лезь, лезь...

Прихватив чужую винтовку и подпихивая Яцкова в спину ножом, Осокин взобрался следом за ним на крышу четырехэтажного дома...

2

— Люд, ну, можно, я поиграю на компьютере? — с ноющей интонацией спросил Тимка, стоя в дверях кухни. — Выучил я уроки. Там учить нечего.

— Тебе спать пора, а ты еще не ужинал, — строго сказала Люда, сосредоточенно переворачивая котлеты.

Она твердо была намерена взяться за воспитание Тимки, который в очередной раз создал проблему: Люду вызывает его классная руководительница. Господи, как она боится этих сухих с потухшими глазами людей — учителей! А где время брать, чтобы ходить в школу как на работу? Тимка не хулиган, нет, он обычный ребенок: немного непоседливый, немного фантазер, немного врунишка, чуточку подлиза. Зато способности к учебе у него выше средних, эти способности плюс неуемная любо-

знательность и создают ненужные проблемы. Люда подозревала, что классная невзлюбила Тимку, но он должен уметь налаживать контакты, в современном мире это необходимо, поэтому Люда больше спуску ему не даст. Раз вызывают, значит, виноват, следовательно, никаких развлечений, никаких компьютеров неделю! И она его заставит полы в доме вымыть. И еще что-нибудь придумает. А предварительно поищет в книгах о воспитании советы, по этой части опыта у нее нет.

— Ну, хоть полчаса, а? — канючил Тимка.

— Нет! — была непреклонна Людмила.

— Я ничего плохого не делал, честное слово. Ну, пятнадцать минут...

С улицы слышались жуткие женские крики, резкие мужские голоса — что-то случилось. Люда бросилась к окну, а Тима, как обезьянка, запрыгнул на табуретку, затем на подоконник, открыл форточку и высунул голову наружу.

— Что там? — спросила Люда. — Ничего не вижу.

— Толпа, — доложил Тимка. — Бегают чего-то.

— Слезай, простудишься. Ужин готов, иди мой руки.

— А можно, я после ужина...

— Нельзя! — не дослушав, отрезала Люда, тряхнув рыжей челкой.

Тима вздохнул и поплелся в ванную.

Нелепо смотрелся на асфальте человек в дорогом и светлом костюме — пятидесятишестилетний Фисун. Голова его сейчас находилась на коленях последней, а точнее, очередной жены. Не каприз уложил Фисуна на асфальт (кстати, он славится капризами), а пуля, обычная пуля. Он не верил, что его огромное тело убьет маленькая пуля, он собирался жить вечно. Фисун стонал:

— Больно... Сделайте что-нибудь... Заткнись,

14 дура.

«Дура» — это его жена Марьяна — неопределенного возраста, ведь полнота молодых женщин довольно сильно старит, слегка вульгарная, слегка строптивая, слегка душечка и очень аппетитная женщина — рыдала в голос, зажимая шарфиком рану чуть пониже плеча мужа. Приказ заткнуться она исполнила мгновенно, Фисун любит послушание. Охранники звонили по мобилам, носились вокруг, не соображая, откуда произведен выстрел.

Собственно, выстрела не слышал никто. Фисун, выйдя из автомобиля, который едва поместился на узенькой улочке, повернулся к охране отдать последние приказы. Внезапно он вздрогнул всем телом, замер и стал заваливаться с перекошенным от боли лицом, беспомощно хватая руками воздух, словно слепой, ищущий опору. Охранники не сразу поняли, что кто-то выстрелил в Фисуна. Они сначала попытались удержать его на ногах, потом внести в дом, предполагая, что у патрона сердечный приступ. Ну-ка, столько коньяка с водкой выпить и жрать все без разбору — никакое сердце не выдержит. Его подхватили... да куда там, тащить на руках тушу сто пятьдесят кэгэ... Такое не под силу и шестерым атлантам, а охранников всего двое. Правда, еще и водитель помогал. Не справились, уложили Фисуна на асфальт рядом с новенькой машиной, загородившей улицу, расстегнули пиджак... Только после этого заметили густое алое пятно на голубой рубашке и догадались о его происхождении.

Милиция приехала раньше медицины. Один за другим выпрыгнули из двух машин человек пятнадцать, одетые в стиле милитари, рассредоточились по улице, забежали в подъезды. Со стороны выглядело вроде как учения идут или террористов ловят. Но Фисун — это топливо во всех его видах, а топливо — это валюта всех народов, а валюта — это сила. Таким образом, стреляли не просто в сто пятьдесят кэгэ живого веса, а в силу, стреляли в топливо и валюту, отсюда отношение к Фисуну особое.